ПЕДАГОГИКА

Философия образования: современный взгляд

УДК 37.371

**Политические законы педагогики как искажение миссии образования
(П. Блонский)**

**Political laws of pedagogy as a distortion of the historical mission of
education (P. Blonsky)**

Смирнов И.П., *Российская академия образования, ips2@list.ru*

Smirnov I., *Russian Academy of Education, ips2@list.ru*

DOI: 10.51379/KPJ.2021.145.2.002

Ключевые слова: П.П. Блонский, законы педагогики, трудовая школа, наука и политика.

Keywords: P.P. Blonsky, laws of pedagogy, labor school, science and politics.

Аннотация. Автор подвергает критике выведенные Павлом Блонским законы педагогики марксизма: «О классовой сущности педагогики», «Соответствие школы определенному общественному строю», «Цель школы – производственное образование». Заложенные в них, а также в выдвинутой Крупской и поддержанной Блонским концепции «трудовой школы» принципы образования рассматриваются как сознательное отступление от научных основ педагогики и пример выполнения ученым политического заказа.

В статье доказывается, что педагогика, как и любая наука, должна быть свободна от политики, подчиняться исключительно законам объективного познания. Для утверждения педагогики в статусе науки, она обязана выдавить из себя «политического раба», а ученый – перейти от педагогики страха к педагогике чести и достоинства.

Блонский Павел Петрович (1884–1941 г.г.) – русский и советский философ, психолог, педагог, один из основоположников советской педологии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, оставлен на кафедре философии для подготовки к профессорской деятельности, работал приват-доцентом. По рекомендации Н.К. Крупской становится членом научно-педагогической секции Государственного ученого совета, участвует в разработке учебных программ и в школьной реформе. Пользовался поддержкой А.В. Луначарского. В конце жизни работал в Институте психологии в Москве.

Abstract. The author criticizes the laws of pedagogy of Marxism derived by Pavel Blonsky: "On the class essence of pedagogy", "Correspondence of the school to a certain social order", "The goal of the school is industrial education". The principles of education embedded in them, as well as in the concept of "labor school" set forward by Krupskaya and supported by Blonsky, are considered as a deliberate departure from the scientific foundations of pedagogy and an example of the fulfillment of a political order by scientists.

The article proves that pedagogy, like any science, should be free from politics, subject exclusively to the laws of objective knowledge. To establish pedagogy in the status of science, it must squeeze out of itself a "political slave", and a scientist must move from the "pedagogy of fear" to the "pedagogy of honor and dignity".

Blonsky Pavel Petrovich (1884–1941) is a Russian and Soviet philosopher, a psychologist, a teacher, one of the founders of the Soviet pedology. He graduated from the Faculty of History and Philology of Moscow University, remained at the Department of Philosophy to prepare for professorship, worked as a privat-docent. According to the recommendation of N.K. Krupskaya, he becomes a member of the scientific and pedagogical section of the State Academic Council, participates in the development of curricula and in school reform. Enjoyed the support of A.V. Lunacharsky. At the end of his life he worked at the Institute of Psychology in Moscow.

Примечание: Некоторые сюжеты данной статьи использованы
автором в очерке «Звездный приговор»
(Учительская газета, №46 от 17 ноября 2020).
<https://ug.ru/zvezdnyj-prigovor/>

Мы привыкли, а может нас так приучили, что однажды причисленные к классикам лица, входят в историю навечно и упоминание их имен и их творений ведется в исключительно почтительных, чаще восторженных тонах. В учет не идет, что они были живые люди, подверженные и собственным слабостям, и влиянию эпохи. Что у них были свои проблемы: материальные, физические, идеологические и был мучительный поиск выхода из них, нередко заставлявший принимать условия «чужой игры». Потому у классиков, как и у простых людей, тоже могли быть заблуждения, недостатки и, страшно сказать, даже ошибки.

Еще труднее приходилось тем ученым, чей период творчества попадал на эпохи столкновения противоборствующих идеологий. Таких было немало, особенно в России, где за какие-то 70 лет (что это за срок для истории!) политический режим сменился полярно дважды: в 1917 и в прошлых 90-х годах. Задуманные при царе научные концепции приходилось менять на советско-коммунистические замыслы, а последние «перестраивать» под демократическую Россию.

Смена эпох – тяжелое испытание для науки, прежде всего гуманитарной, на нравственность и объективность. Кто-то его выдерживал, кто-то нет и, предав научные принципы, шел в обслуживание очередной политической доктрины, доказывая ее истинность и возводя в статус «окончательной теории». Именно поэтому, анализируя наследие классиков образования, необходимо отделять науку от политического заказа, а педагогику от идеологии. Сделать это позволяет творческая биография Павла Петровича Блонского.

Если заглянуть в всем доступную Википедию, то Блонский предстанет как «зачинатель советской педагогики», «выдающийся педагог и психолог», «советский Песталоцци». Нет оснований полностью перечеркивать его столь высокие оценки. Разработанная П. Блонским – психологом специфика возрастных особенностей умственного развития детей до сих пор сохраняет важное значение для науки о детстве. Как и его исследования психики ребенка, а также созданная на их основе методика изучения детей. Но эти оценки не должны скрывать других, более существенных его характеристик как ученого и как личности.

Первые статьи Блонского в печати появились в 1912 году. Тогда он был убежденным и активным членом партии эсеров, в которой состоял с 1903 года, трижды подвергался политическим арестам. Поддерживал

педагогическую идею теоретика и вождя анархистов П. Кропоткина о будущей школе «комплексного образования» с одновременным обучением наукам и ремеслу [1]. Впоследствии признал ошибочность таких взглядов, как и своих позитивных ссылок на Н.К. Михайловского, Д. Дьюи, Г. Шаррельмана, других «представителей буржуазной идеологии». Также легко Блонский пережил собственный «переход с позиций идеализма на позиции материализма» [2, с.6-7].

Облегченное признание собственных ошибок отличало Блонского от многих современников. Он, не колеблясь, оценил многолетнее «пробывание в партии эсеров как минус в своем политическом развитии» [2, с.7]. «Летом 1917 г. я порвал с эсерами», – утверждает Блонский, совсем не случайно ошибаясь в приводимых им датах [2, с.16]. Поверить этому невозможно, поскольку после Февральской (1917г.) революции партия эсеров превратилась в ведущую политическую силу, достигла по численности миллионного рубежа, победила на выборах в Учредительное собрание, заняла ключевые посты в правительстве. Какой был резон довольно расчетливому человеку «рвать» связь с партией-победителем? «С первых же дней Октября стал на сторону рабочего класса», – пишет Блонский в другом месте [2, с.3]. Вот именно: с первых дней Октября, а не в Феврале и даже не летом, что и подтверждает наши сомнения.

Переход на иные политические позиции у Блонского был связан с довольно неожиданной для него, да и всего общества Октябрьской революцией того же года. И вот тогда, действительно, выбор был невелик: примыкать к взявшей власть партии большевиков или идти в тюрьму, где уже томилось немало его однопартийцев – эсеров. Блонский решил, что свобода лучше, чем несвобода, и здесь его можно по-человечески понять.

В 20-х годах Блонский становится одним из основателей Русского психоаналитического общества, выступавшего за широкое применение психологических тестов. Но позднее, в книге «Очерки детской сексуальности» (1928 г.) уже подвергает психоанализ резкой критике. При содействии известного русского философа и психолога Г. Челпанова он приезжает из Киева в Москву, становится его аспирантом. Придя к рулю Института психологии, совместно с К. Корниловым он возглавил античелпановскую оппозицию, добился увольнения своего научного наставника. Разошлись они по политическим мотивам, Блонский требовал перестройки психологии на идеологической основе марксизма [3].

В отличие от многих представителей старой педагогики (П.Ф. Каптерева, В.П. Вахтерова, В.И. Чарнолуцкого и др.) Блонский легко приспособился к новой политической реальности и уже в 1919 году издает свое главное педагогическое произведение «Трудовая школа» [2]. С 1918 по 1930 год из-под пера Блонского вышло свыше ста работ, среди них первые советские учебники для средней и высшей школы. В эти годы он, по оценкам современников, был наиболее читаемым автором в сфере педагогики и психологии.

Признанный психолог Блонский рассматривал воспитание как развитие естественных врожденных способностей ребенка: «именно во «врожденности мы должны искать ядро человеческой личности» [2, с.12]. Отсюда его путь в «педологию» – пограничную, комплексную отрасль знания, которая в 30-х годах заняла определенное место между психологией и педагогикой. Вместе с А. Залкиндом, С. Моложавым и Л. Выготским он становится одним из создателей педологии, понимая ее как науку, изучающую развитие человека в детстве.

Конец педологического периода своей деятельности Блонский датирует 1928 годом, привычно и легко объясняя это собственным прозрением, следствием обнаруженной им «поверхностности педологического исследования» [2, с.655]. Здесь вновь есть основания для сомнений, ибо в этот период, педология добилась наибольших успехов и широкого распространения. А еще потому, что в 1936 году выходит его учебник для педагогических вузов «Педология» [2, с.209-364]. Но в этом же году принимается известное постановление ЦК ВКП[б] «О педологических извращениях в системе Наркомпроса». К чести Блонского, он пытается довольно настойчиво протестовать, но переоценивает свои силы, впоследствии подвергается травле и надолго уходит в «небытие»: его работы были забыты, а имя не упоминалось в педагогической литературе. По правилам сурового времени были арестованы два его сына. Только в 1961 году были изданы его Избранные педагогические произведения [2].

Словом, на недолгую жизнь Блонского пришлось и годы бедности, и годы унижения, и годы славы. Все это важно знать для лучшего понимания причин, ломающих судьбы и мировоззрения многих ученых, попавших в политические жернова двух противоборствующих эпох. Но еще важнее понять механизм политического заказа науке,

формирующий безысходность ученых и вынуждающий их, порою без видимых колебаний, выполнять этот заказ. Поэтому каждую статью, каждую книгу тех лет (да и не только тех) надо читать с учетом исторической обстановки, в которой она появилась, и способности ее автора сохранять верность науке.

Присягнув новой власти, Блонский тут же открывает «один из основных законов педагогики — закон соответствия школы определенному общественному строю» [2, с.182], распространяя его на науку в целом. Попытаемся мысленно применить такой закон к математике или химии и получим очевидную глупость. Но по Блонскому, получается можно! «Политехническая подготовка, — пишет он, — теснейше должна быть связана с выработкой марксистского взгляда на историческое развитие. Это — первое и самое основное» [2, с.353]. «Литература в трудовой школе - марксистская интерпретация истории литературы и новое литературное творчество коммунистической эпохи. Математика — математическая подготовка квалифицированного рабочего пролетарского государства...» [2, с.305]. Открытому им закону он теперь будет строго следовать, сверяя свои научные искания с политическим курсом и линией партии.

«В ранних работах Блонского, — пишет в Предисловии к Избранным педагогическим произведениям Блонского видный теоретик советской педагогики, академик Ф. Королев, мы найдем высказывания о недопустимости партийности в педагогике. Лишь с 1918 г. он меняет свою точку зрения, начинает разрабатывать основы построения школы рабочего класса и резко разоблачает классовую сущность буржуазной педагогики [2, с.3] и классовой психологии» [т.2, с.633]. Отсюда Блонский выводит и свой второй закон – о классовой сущности педагогики. Закон, отвергнувший научную педагогику и сводящий ее истоки, как утверждал А. Луначарский, к «полутора страницам, написанным К. Марксом для Женевского конгресса» [4]. «Собственно говоря, — вторит ему Блонский, — ее (педагогики – И.С.) и не было в те годы: несколько глав, скорее из курса политграмоты, и собрание текущих правительственных законоположений и циркуляров о школе...» [2, с.651]. По Луначарскому – Блонскому, российская педагогика родилась в 1917 году с «полутора страниц Маркса». В общем, с «залпа Авроры».

«Это не значит, — вынужденно признает Блонский, что оригинальных педагогических статей у нас тогда не было. Печатались и усердно обсуждались статьи на педагогические темы

Пирогова, Добролюбова, Писарева, Каткова и др. Но все это было, скорее, педагогической публицистикой, нежели научно разработанной системой педагогики» [2, с.71]. Вот так легко, классики педагогики были зачислены в «публицисты». Их вина, – писал Блонский, – состояла в том, что они не рассматривали «марксизм как метод решения педагогических проблем» [2, с.301]. Это как раз и подтверждает, что пример научного предательства и политизации педагогики показал Блонский.

Выбор сделан, Блонский берет ориентир на указание В.И. Ленина: «Нельзя себе представить идеала будущего общества без *соединения обучения с производительным трудом* молодого поколения» [5] и на его догматическую интерпретацию Крупской Н.К. о «неизбежном превращении школы учебы в школу труда» [6, с. 103]. К этим установкам Блонский добавлял от себя: «труд в советской трудовой школе должен быть общественно полезным производительным трудом» [2, с.365]. Хотя еще задолго до новой эры Платон сформулировал точный принцип, который после него подтвердили многие классики педагогики: сначала общее обучение, затем – профессиональное.

Возможна и другая версия. Блонский поддерживал тезис К. Ушинского «педагогика — не наука, а искусство», [7] который и сегодня вызывает споры и который обычно рассматривается без привязки к эпохе, когда педагогика еще только зарождалась. «Необходимые для воспитателя знания Ушинский брал из психологии: чтобы воспитать человека во всех отношениях, надо раньше узнать его во всех отношениях» – по своему развивая мысль классика, писал Блонский [2, с.74]. Такая его трактовка Ушинского подвергалась сомнению. Известный теоретик традиционной педагогики Алан иронизировал над подобными заявками психологии: «психологи считают, что нужно знать ребенка, чтобы его воспитывать, но это неверно, надо его воспитать, чтобы узнать» [2, с.74]. Замечание Алана тоже дискуссионное, в классической педагогике (Вахтеров, Вентцель, Пирогов, Толстой) доминирует иная идея, дополняющая воспитание самообразованием и саморазвитием личности, созданием для этого соответствующих условий. Не «узнать, чтобы воспитать» (Блонский) и не «воспитать, чтобы узнать» [Алан], а создать условия для саморазвития, раскрыть способности человека.

Если не пожалеть времени, то подобное положение можно найти не только у классиков, но и в трудах современных ученых. Это четко просматривается, например, в манифесте

«Гуманистическая педагогика: XXI век», авторы которого (А. Адамский, А. Асмолов, В. Собкин, И. Фрумин, И. Реморенко и др.) видят «задачу учителя — помочь ученику раскрыть свои потребности, выбрать путь и способствовать движению по этому пути» [8]. Тем не менее, сегодня еще много любителей покопаться в психологии и социологии человека, в его склонностях и взглядах, а не в причинах их возникновения, не в давящей на него политической и социальной среде. Человеку, действительно, очень трудно отстраниться от внешнего воздействия и лишь немногие могут противостоять ему. Блонскому это тоже не удалось.

Как выгодный политический заказ принял Блонский поставленную Н. Крупской задачу научного обоснования идеи «трудовой школы», легко и привычно отбросив свои прежние сомнения. «Не мне бы писать против ручного труда и техники, – в очередной раз кается он, – так как еще до первой революции я боролся за место для них в общеобразовательной школе» [2, с.295]. Блонский отвергает признанные в педагогике того времени модели ремесленной школы Г. Кершенштейнера и иллюстративной школы А. Лая как мелкобуржуазные педагогические теории. «Речь идет, – замечает он, – не об усовершенствовании метода обучения современной школы, но о преобразовании всего школьного строя» [2, с.215]. Это положение и ляжет в основу трудовой школы, знаменуя третий закон Блонского: «Цель школы – производственное образование» [2, с.334]. Этот закон, действительно, перевернул основы образования, он помог Крупской обосновать идею «трудовой школы», а Луначарскому пойти еще дальше – к идее «пролетарской индустриальной школы».

Блонский предлагал проводить учебные занятия как сплошное, без подразделений на уроки, упражнение школьника в методах познания и труда [2, с.13]. «Еще 300 лет назад, – пишет он, – Коменский настаивал на том, чтобы школа обучала всему, но мы забыли его требование. Вот почему задача школы — давать цельное знание, мы должны навсегда отказаться от дробления школьного дня на отдельные уроки, школьной программы — на отдельные предметы» [2, с.105]. Согласимся с тем, что урочный предметоцентризм не лучший метод формирования цельной личности, потому он и подвергается критике уже многие годы. Но заменять в школе комплекс учебных предметов изучением комплекса станков и оборудования – значит уйти в узкий и примитивный

профессионализм. Интересы человека, его общественные отношения не ограничиваются производством, если только он не раб.

Совокупность учебных предметов отражает не просто содержание образования, но и некий социально-культурный образ, который необходимо освоить вступающему в жизнь. Скорее всего, образование в поддающемся прогнозу времени будет и далее совершенствоваться на основе различных вариантов модернизации «предметоцентризма», постепенно переходя в создание метапредметов, которые соединяют в себе идею предметности и одновременно надпредметности, идею рефлексивности по отношению к предметности. Они уже появились в Примерных образовательных программах основной средней школы. Как переходный этап от критикуемого Блонским предметного образования к «цельному знанию» можно рассматривать и общепринятый сегодня компетентностный подход.

Блонский придумал примерную схему распределения времени между мастерской, научными занятиями, литературно-художественными студиями и спортом в отношении 4:2:1:1, в основу которого положен производительный труд учащихся. «Как идеал, можно выставить принцип передвижения по предприятиям или, в крайнем случае, по предприятию... Местный комиссариат труда, совместно с врачами, инженерами и педагогами, должен обследовать условия работы подростков во всех предприятиях данного района и по возможности запретить труд подростков там, где губится здоровье подростка [2, с.278,280]. Блонский предлагает не ознакомление с производством, а настоящий «общественно-полезный труд». Вот его схема.

1-й год — Простейшие перемещающие машины в данном предприятии;

2-й год — Котел и паровая машина, двигатели водяные и воздушные;

3-й год — Электрические двигатели и электродинамика;

4-й год — Небесные светила – астрономия [2, с.260].

Обосновывая глубокое погружение в науку через производство, Блонский, в частности, писал: «Конечно, учителем физики теплоты явится паровая машина. В связи с нею мы изучим ряд вопросов: термометры и коэффициенты расширения газов, твердых и жидких тел, калориметр, упругость водяных паров, точка кипения и парообразования. Все это даст работа при котле» [2, с.245]. По сути, предлагался такой набор учебных единиц, за освоение которого

сегодня можно выдать и диплом инженера. И все это для учащихся школ, еще не познавших начал математики, физики, теплотехники, не говоря уже о воспитывающих гуманитарных предметах.

А вот и незатейливая методика обучения. «Мы делимся на 12 групп, – рекомендует Блонский. Каждой группе намечается, в какой день ей следует работать, и на каком станке. Каждому станку посвящается известное число занятий. Теперь мы стараемся работать не как любители-дилетанты, не как люди, пришедшие только «понюхать» мастерскую; мы стараемся овладеть приемами заправского рабочего» [2, с.645].

На этой рекомендации следует остановиться особо, ибо в ней изложена стратегическая цель «трудовой школы». Речь не идет о выпускнике как о личности с многогранными знаниями и необходимыми для вступления в жизнь социальными качествами. Новому политическому строю нужен «заправский рабочий» – производитель, а не гражданин. Идея Н. Пирогова ««воспитать человека», [9] высказанная 150 лет назад как цель образования и поддержанная всем российским обществом, переворачивается Блонским с ног на голову.

«Та реформа, – пишет Блонский, – которую производит «рабочая» или «трудовая» школа, сводится к замене класса мастерской, а уроков — работой. Школа стремится точно копировать ту социальную среду, которую она обслуживает: подростка она рассматривает как подмастерье, и учитель-мастер, учитель ручного труда профессиональной рабочей школы, постепенно занимает главное место в школе вместе с учителем учебных предметов» [2, с.180]. Выделим и здесь основное: учащийся это подмастерье, а педагог – мастер ручного труда. Такая модель далека общеобразовательной школы, это модель ремесленного училища – обучения рук, а не головы; приобретения навыков, но не умений и, тем более, не знаний.

И, конечно, подчеркивает Блонский, требуется высокая сознательная дисциплина. В дальнейшем, в статье «Марксизм как метод решения педагогических проблем» Блонский дает развернутую критику теории свободного воспитания Л. Толстого, которая «служила защитным цветом для тех, кто хотел быть свободным и от марксистской педагогики, и от обязательства строить школу коммунистического воспитания [2, с.365].

Трудовая школа вводилась жестко и исключала альтернативы, что вызывало учительские протесты. Одна из тяжелых для Блонского дискуссий состоялась по его докладу,

сделанному 20 января 1922 г. на совещании с петроградскими педагогами в научно-педагогической секции ГУСа. Учителя резко возражали против основных тезисов его доклада. Они выдвигали следующие доводы:

1. Создание школы с трудовым уклоном лишит элементарную школу ее общеобразовательного характера, приведет к ее профессионализации и к сужению круга интересов ребенка.

2. Такая школа не сможет выполнить своих прямых задач — обучения ребенка чтению, письму и счету.

3. Знания, сообщаемые такой школой четырехлетней, будут носить рецептурный характер.

4. Таковую школу невозможно провести в жизнь из-за неподготовленности учителя [2, с.667].

К концу дискуссии протестующие были сломлены. Не педагогическими аргументами, а идеологическими установками, прежде всего, навязанным Блонским «законом соответствия школы определенному общественному строю». Нужно ли удивляться, что на Всероссийском съезде ударных педагогических заведений в основу дальнейшего строительства «трудовых школ» были положены принципы возглавляемой Блонским Академии социального воспитания [2, с.642]. Учитель объявлялся бойцом идеологического фронта, без права сменить убеждения и даже их обсуждать.

Блонскому принадлежит большинство книг и учебников, ставших «единой линейкой» развития идеи трудовой школы: «О школе с сельскохозяйственным уклоном», «Начальная школа в промышленном районе», «Схемы программы единой трудовой школы», «Текстильное производство, как педагогический материал в трудовой школе». Именно труды Блонского дали основания Крупской для утверждения: «Современная передовая педагогика устанавливает, что наилучший метод усвоения знаний — это трудовой метод [6, т.4, с.20].

Один из исследователей научного наследия Блонского, защитивший в 1974 г. докторскую диссертацию на тему «П.П. Блонский и его вклад в педагогическую науку», Данильченко М.Г. особенно высоко оценивает его критику буржуазной педагогики. «Она скорее похожа на бунт не только против старой школы, но и старой педагогики. Наиболее ярко эта критика дается в его книге «Трудовая школа», имевшей значение сильнейшего тарана, направленного против всей системы старой школы. Блонский показал всю

несостоятельность старого строя школы и необходимость ее разрушения» [10]. Да, в разрушении старой педагогики Блонский преуспел, но в созидании новой оказался стрелочником, по команде политических наставников передвинувшим стратегию образования на тупиковый путь. Понимал ли он, что творит несправедное?

Пером Блонского незримо управляли Крупская и Луначарский, за которыми стояли еще более статусные фигуры. По воспоминаниям библиографов, в кремлевской библиотеке Ленина было семь работ Блонского. Читая «Трудовую школу», Ленин сделал пометки на тех страницах, где содержится указание автора на огромную роль техники и индустрии в воспитании молодого поколения. Политический заказ шел с самого верха!

Уже в тридцатых годах стало осознаваться, что уроки труда в средней школе есть примитивный профессионализм, на них впустую растрачивается самый дорогой ресурс — учебное время. Второй по счету, после Луначарского, наркомом просвещения России Бубнов А.С. отменил трудовое обучение в школах.

Историю надо знать всю, до ее часто трагического финала. Все обслуживающие политический заказ по созданию трудовой школы ученые, хотя и в разной степени, были подвергнуты репрессиям, на них обрушились потоки критики, в том числе от бывших коллег. После выхода в свет постановления ЦК ВКП [6] «О педологических извращениях...» молчавшие до поры и даже ранее поддерживавшие его ученые, вспыхнув благородным гневом, обрушили такой поток грязи, который полностью утопил его научные заслуги. В этом можно убедиться, прочитав статьи М. Богомолова «О лженаучных взглядах профессора Блонского П.П.» [«Начальная школа», 1937, № 9, стр. 24–30]; Н. Магарики «Педагогика как наука у П.П. Блонского» [«Средняя школа», 1936, № 9, стр. 4–19]; Н. Белоусова «Извращения в работах Блонского [1919–1923]» [«Педагогическое обозрение», 1937, № 1, стр. 54–65]. Массовая кампания по развенчанию Блонского стала еще одним постыдным примером для нравственных принципов российской педагогики.

Политизированные законы педагогики Блонского, как и его сознательное участие в проталкивании идеи «трудовой школы», уходят в прошлое. Заявлены иные цели образования, по крайней мере, на уровне федеральных нормативов. В Примерной основной образовательной программе основного общего образования, одобренной решением

федерального УМО по общему образованию от 8.04.2015 г. № 1/15, вместо «передвижения по предприятиям», как основного методического принципа Блонского, предусмотрен переход организации учебной деятельности от классно-урочной к лабораторно-семинарской и лекционно-лабораторной, исследовательской», а также «приобретение практического опыта, соответствующего интересам и способностям обучающихся». Вместо третьего закона Блонского «Цель школы – производственное образование», в рамках предмета «Технология» происходит знакомство с миром профессий и ориентация школьников на работу в различных сферах общественного производства. Медленно, но школе возвращается ее общеобразовательная миссия, ее главная и достаточная цель – обучение основам наук.

В статье «Учитель, стань человеком» Блонский предлагает часто задаваемый вопрос «Как создать новую школу?» заменить иным: «Как надо сделать, чтобы русская школа имела возможность создаться?» [2, с.147]. Вопрос Блонский поставил верно, но сам всю жизнь давал на него ответ, навязанный страхом нового ареста, судьбой посаженных в тюрьму сыновей, наконец, чувством собственной безысходности. В итоге это и принудило его, вопреки логике эволюционного развития образования, ломать старую и путем грубого администрирования создавать новую, «трудовую школу». Можно его упрекать, а можно попытаться понять то суровое время «несвободы», когда творить можно было только в рамках «политического заказа». Но резонно и спросить себя: а была ли российская педагогика в иной ситуации?

В широком историческом плане дело не в Блонском, он важен лишь как типовой пример раздвоения личности на стыке эпох. На место его фамилии в данной статье можно поставить десятки, сотни других фамилий ученых, также дрогнувших и обменявших педагогику на идеологию (А. Пинкевич, И. Демидов, Б. Комаровский, В. Струминский и др.). Не Блонский, а за редким исключением вся педагогическая наука оказалась в роли политического подрядчика и послала образованию заведомо ложные стратегические ориентиры, навязала сковавшие творческую мысль политизированные «законы педагогики».

Отвечая на вопросы журналистов «Эхо Москвы» и будучи в то время министром образования, Д. Ливанов сформулировал историческое по значению положение: «Образование и наука – это сферы, которые

находятся вне политики, я бы даже сказал выше политики». Возможно, это был экспромт, но очень верный, к тому же согласующийся с рекомендацией В. Путина: «желательно, чтобы культура была вне политики», высказанной на заседании Совета при Президенте по культуре и искусству. 26 декабря 2015. Жизнь, как ни странно, идет другим путем, возвращая педагогику (да и культуру тоже) к старым временам идеологического засилья.

Досаднее всего, что подобное несоответствие не замечается и даже замалчивается современными учеными, в публикациях воспроизводятся позитивные оценки марксистской педагогики и ее идеологов. В мае 2019 года Учительская газета опубликовала статью «Педагогический авангардизм Павла Блонского» в связи с его 135-летием (Богуславский М. Педагогический авангардизм Павла Блонского. – Учительская газета, № 20, 2019 г. <http://www.ug.ru/archive/ug/2019/20>). Ее автор – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, председатель Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО Михаил Богуславский. «Книга Блонского «Трудовая школа», – пишет он, стала «теоретическим ориентиром в кардинальной трансформации школы учебы в трудовую коммуны». «1923 год – звездный час П.П. Блонского: предложенные им схемы программ ГУСа вызывают восторженную реакцию Луначарского». Позитивный пафос здесь просто неуместен. Указанная выше книга – не «звездный час», а главный обвинительный приговор Блонскому, знак его перерождения из ученого в послушного слугу новой власти. Не случайно, как это заметил и сам Богуславский, «Блонского истово ненавидели педагоги русского зарубежья, считая его чуть ли не главным виновником уничтожения традиций отечественной школы». Жаль, что мы этого до сих пор не поняли и не оценили.

Чтобы педагогика утвердилась в статусе науки, ей надо выдать из себя «политического раба», преодолеть зависимость «соответствия определенному общественному строю», перейти от педагогики страха к педагогике чести и достоинства. Историческая миссия педагогики выше государственной идеологии, она служит истине, ее самодостаточная цель – обучение основам наук. Если сегодня можно вынести какой-то урок из выполненного Блонским политического заказа, то он, скорее всего, именно в этом.

Литература:

1. Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские: (Земледелие, пром-сть и ремесла) / П.А. Кропоткин; пер. с англ. А.Н. Коншин. - 3-е изд., вновь просм. и испр. пер. - Москва: Посредник, 1908. - 220 с.
2. Блонский П.П. Избранные педагогические произведения / П.П. Блонский; редкол. Б.П. Есипов, Ф.Ф. Королев, С.А. Фрумов; сост. Н.И. Блонская, А.Д. Сергеева; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т теории и истории педагогики. - М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. - 696 с.
3. Степанов С. Павел Петрович Блонский [Электронный ресурс] / С. Степанов // Школьный психолог. - 2000. - № 23. - Режим доступа: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200002310>
4. Луначарский А.В. Доклад на III сессии ВЦИК 7-го созыва. Известия» (5 октября 1920 г.) [Электронный ресурс] / А.В. Луначарский. - Режим доступа: <https://knigism.online/s/17815>
5. Ленин В. Перлы народнического прожектерства / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. - Москва: Госполитиздат, 1958-1965. - Т. 2: 1895-1897. - 1958. - С. 475-508.
6. Крупская Н.К. Автобиографические статьи: дореволюционные работы / Н.К. Крупская //

Педагогические сочинения: в 10 т.; под ред. Н.К. Гончарова [и др.]; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогов. - Москва: Изд-во Акад. пед. наук, 1957-1963. - 11 т.; Т.1. - 1957. - 510 с.

7. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: опыт пед. антропологии / К. Ушинский. - М.: Фаир-Пресс, 2004. - 574 с.

8. Гуманистическая педагогика: XXI век (Загл. с экрана) [Электронный ресурс] // Новая газета, № 112 от 12 октября 2015. - Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/10/11/65959-gumanisticheskaya-pedagogika-xxi-vek>

9. Пирогов Н.И. Вопросы жизни: дневник старого врача, писанный исключительно для самого себя, но не без задней мысли, что может быть когда-нибудь прочтет и кто другой, 5 ноября 1879-22 октября 1881 / Н.И. Пирогов. - Москва: Книжный Клуб Книговец, 2010. - 606 с.

10. Данильченко М.Г. П.П. Блонский и его вклад в педагогическую науку: автореферат дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / М.Г. Данильченко; Науч.-исслед. ин-т общей педагогики акад. пед. наук СССР. - Москва, 1974. - 61 с.

References:

1. Kropotkin P.A. Fields, factories and workshops: (Agriculture, industry and crafts) / P.A. Kropotkin; trans. from English. A.N. Konshin. - 3rd ed., Revisited. and rev. per. - Moscow: Mediator, 1908. - 220 p.
2. Blonsky P.P. Selected pedagogical works / P.P. Blonsky; editorial board B.P. Esipov, F.F. Korolev, S.A. Frumov; comp. N.I. Blonskaya, A.D. Sergeeva; Acad. ped. Sciences of the RSFSR. Institute of Theory and History of Pedagogy. - M.: Publishing house Acad. ped. Sciences of the RSFSR, 1961. - 696 p.
3. Stepanov S. Pavel Petrovich Blonsky [Electronic resource] / S. Stepanov // School psychologist. - 2000. - № 23. - Access mode: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200002310>
4. Lunacharsky A.V. Report at the III session of the All-Russian Central Executive Committee of the 7-th convocation. News (October 5, 1920) [Electronic resource] / A.V. Lunacharsky. - Access mode: <https://knigism.online/s/17815>
5. Lenin V.I. Pearls of populist projection / V.I. Lenin // Complete Works; Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. - 5-th ed. - Moscow: Gospolitizdat, 1958-1965. - T. 2: 1895-1897. - 1958. - S. 475-508.

6. Krupskaya N.K. Auto-biographical articles: pre-revolutionary works / N.K. Krupskaya // Pedagogical works: in 10 volumes; ed. by N.K. Goncharova [and others]; Acad. ped. sciences RSFSR, Institute of theory and history of teachers. - Moscow: Publishing house Acad. ped. Sciences, 1957-1963. - 11 t.; Vol. 1. - 1957. - 510 p.

7. Ushinsky K.D. A human as a subject of education: experience of ped. anthropology / K. Ushinsky. - M.: Fair-Press, 2004. - 574 p.

8. Humanistic pedagogy: XXI century (Title from the screen) [Electronic resource] // A new newspaper, No. 112 dated October 12, 2015. - Access mode: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/10/11/65959-gumanisticheskaya-pedagogika-xxi-vek>

9. Pirogov N.I. Questions of life: the diary of an old doctor, written exclusively for himself, but not without a second thought, what may one day be read by anyone else, November 5, 1879 - October 22, 1881 / N.I. Pirogov. - Moscow: Book Club of Books, 2010. - 606 p.

10. Danilchenko M.G. P.P. Blonsky and his contribution to the pedagogical science: autoref. dis. ... Dr. ped. Sciences: 13.00.01 / M.G. Danilchenko; Research Institute of General Pedagogy acad. ped. Sciences of the USSR. - Moscow, 1974. - 61 p.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Сведения об авторе:

Смирнов Игорь Павлович (г. Москва, Россия), доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии образования, e-mail: ips2@list.ru